

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

I.

Копія съ письма полковника Янковскаго отъ 19 Января 1879 г. изъ Филиппополя къ военному министру.

Еще разъ позволяю себѣ сдѣлать докладъ вашему сіятельству, руководясь побужденіемъ хотя сколько-нибудь содѣйствовать къ уясненію положенія дѣлъ въ Восточной Румелии.

Въ концѣ Ноября и Декабря минувшаго года я сдѣлалъ объѣздъ изъ Ямбола въ Сливенъ, Кизиль-Агачъ, Карнабатъ, Айдосъ, Бургасъ.-Акіолу и Ени-Загру.

Главная цѣль объѣзда состояла въ томъ, чтобы примѣнить къ дѣлу возможно-прочно писанныя правила о полиціи.

Въ числѣ жандармовъ, кромѣ Болгаръ, есть Греки и нѣсколько Турокъ. Приставá всѣ Болгары: народъ большею частью способный, здоровый и трезвый. Но почти всѣмъ чинамъ здѣшней полиціи присущи два порока: приниманіе отъ жителей подачекъ, въ видѣ жизненныхъ продуктовъ, фуража и даже денегъ, и грубое обращеніе.

Пороки эти, составляя прямое наслѣдіе Турецкихъ временъ, до такой степени вкоренены, что даже сами жители, повидимому, не усматривали въ нихъ ничего дурного, и мнѣ приходилось выслушивать отъ сравнительно-интеллигентныхъ Болгаръ убѣжденіе, что принятіе подачекъ не можетъ ослабить энергіи чиновъ полиціи и что здѣшній народъ настолько привыкъ видѣть полицейскихъ съ калянками (нагайками), что только съ помощью ихъ жандармы будутъ въ состояніи добиваться исполненія ихъ законныхъ требованій. Я старался убѣдительно внушить чинамъ полиціи, что должна существовать большая разница между Турецкимъ заптіемъ и Болгарскимъ жандармомъ, такъ какъ первый бывалъ обыкновенно притѣснителемъ, а послѣдній назначается для охраны и защиты общества. вмѣстѣ съ тѣмъ реко-

мендовалъ окружнымъ начальникамъ и приставамъ принять самыя серьезныя мѣры для возможнаго устраненія этихъ пороковъ.

Замѣчательно, что Болгары съ особенною охотою поступаютъ на службу въ полицію. Хотя здѣсь еще нѣтъ куда способныхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которыми со временемъ будетъ по преимуществу пополняться полиція, тѣмъ не менѣе, за малыми исключеніями, во всѣхъ округахъ комплектъ жандармовъ полный. Казеннаго оружія полиція еще не получила; но мнѣ почти не случалось встрѣтить жандарма, который бы не имѣлъ собственнаго ружья (большею частью Мартини) и какой-нибудь сабли или ятагана.

Кромѣ полиціи здѣсь, въ послѣднее время, принимаетъ широкіе размѣры устройство сельскихъ вооруженныхъ карауловъ.

Я уже имѣлъ честь доложить вашему сіятельству тѣ главныя основанія, на которыхъ учреждаются здѣсь караулы. Розданныхъ для этой цѣли 2,500 ружей въ Восточной Румелии признается весьма недостаточно. Въ настоящее время генераль-губернаторъ, съ разрѣшенія Императорскаго комиссара, предполагаетъ выдать изъ существующихъ складовъ нѣсколько десятковъ тысячъ винтовокъ Кренкока съ патронами, для вооруженія, почти поголовно, Болгарскихъ селеній въ Родопскихъ горахъ и для устройства сельскихъ карауловъ въ частяхъ округовъ: Карнобатскаго, Адоескаго, а также и Ахіоскаго, лежащихъ въ Балканскихъ горахъ и у ихъ подножія.

Такая мѣра признана вполне необходимою въ виду полученныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что Турки поспѣшно вооружаютъ и обучаютъ поголовно все Магометанское населеніе Родопскихъ горъ.

Устройство же сельскихъ карауловъ въ Балканахъ послужитъ къ самозащитѣ тѣхъ Болгарскихъ селеній, которые лежатъ или въ предѣлахъ бывшей демаркаціонной линіи, или вблизи ея, такъ какъ въ той мѣстности находится много Турецкихъ деревень, у жителей которыхъ, по всей вѣроятности, хранится спрятанное оружіе.

О намѣреніи вооружить жителей Родопскихъ горъ генераль-лейтенантъ Столыпинъ сообщилъ Европейскимъ комиссарамъ и доложилъ главнокомандующему дѣйствующею арміею.

Обученіе людей карауловъ обращенію съ ружьемъ и стрѣльбѣ по распоряженію генерала Столыпина производится унтеръ-офицерами отъ частей пѣхоты, при чемъ жители съ особенною охотою относятся

къ дѣлу *). Въ городѣ Ени-Загрѣ мнѣ случилось видѣть, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера обучалъ селянъ, въ присутствіи множества зрителей, мѣстный табачный фабрикантъ, въ длинномъ кафтанѣ, служившій прежде въ Болгарскомъ ополченіи. Интересно было видѣть, съ какою, можно сказать, яростью онъ произносилъ командныя слова и поправлялъ прикладку и съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относились къ его наставленіямъ стоявшіе въ шеренгѣ поселяне.

Переходя за симъ къ описанію положенія страны въ политическомъ отношеніи, я, прежде всего, долженъ повторить, что, по крайнему моему убѣжденію, Болгары вообще народъ добрый, нравственный, честный и безпредѣльно и вполнѣ искренно преданный Государю Императору и нелицеприятно любящій Россію и Русскихъ.

Я стараюсь изучить здѣшнюю страну не только въ городахъ и на большой дорогѣ, но и въ деревняхъ, лежащихъ совсѣмъ въ сторонѣ. Мнѣ часто приходилось и приходится слышать порицанія Болгарскаго народа за его несообщительность и недружелюбныя къ намъ отношенія.

Такое обвиненіе едва ли вполнѣ основательно. Тяжкое прошлое, пережитое Болгарами, испытанныя разочарованія и разбитыя надежды не могли конечно выработать въ нихъ довѣрчиваго и особенно веселаго характера. Кромѣ того, самыя климатическія условія не содѣйствовали ли въ теченіе продолжительнаго времени созданію характера Болгарина, во многомъ сходнаго съ нашимъ Малороссомъ? Тамъ и здѣсь замѣчается сосредоченность, недовѣрчивость и неохотная общительность. Наконецъ, въ случаѣ неизбѣжности, движеніе усиленное войскъ чрезъ всякую страну служить къ нѣкоторому ея обремененію, причѣмъ трудно ожидать, особенно отъ малоразвитыхъ жителей, наружныхъ проявленій радости и удовольствія.

Народный характеръ Болгаръ и ихъ политическія убѣжденія обрисовываются болѣе важными общими проявленіями, изъ коихъ нѣкоторыя позволяю себѣ привести.

Дорога изъ Ямболя въ Бургось была вѣроятно въ прежнее время поссирована, но теперь, особенно въ распутицу, она возможна для проѣзда только съ величайшими трудностями. Въ концѣ Ноября и въ началѣ Декабря минувшаго года грязь чернозѣма, доходящая до сту-

*) Въ одномъ только Хаскіоскомъ округѣ было нѣсколько случаевъ отказа жителей брать раздаваемое оружіе. Явленіе это, полагаю, слѣдуетъ отнести къ безтактности начальника округа.

пиць колесъ, составляла обыкновенное явленіе. Мѣстами дорога была усыпана крупнымъ неукатаннымъ щебнемъ, и на ней часто попадались большіе булыжные камни.

По пути я встрѣчалъ обозы, погонщики которыхъ жестоко били замороженныхъ лошадей и бросали нѣкоторыхъ на дорогѣ, оставляя ихъ околѣвать отъ изнуренія и голода. У самой дороги можно было видѣть падаль, пожираемую воронами и собаками, благодаря которымъ и холодному времени, воздухъ казался не зараженъ смрадомъ *).

Дорога эта, послѣ Берлинскаго договора, получила особенное значеніе, движеніе по ней усилилось, и представилась настоятельная необходимость привести ее въ возможно лучшее состояніе.

Это было косвенною причиною разоренію придорожныхъ мѣстностей.

Количество рабочаго скота въ Восточной Румеліи весьма значительно уменьшилось вслѣдствіе большой войны, но и остающійся скотъ у придорожныхъ жителей окончательно изнуряется непосильною подводною повинностью. Безъ сомнѣнія, нужды нашей арміи должны быть прежде всего удовлетворены, и во что бы то ни стало; но нельзя не входить и въ положеніе жителей, вынужденныхъ истощать послѣднія силы своего скота, составляющаго главный источникъ ихъ благосостоянія.

При такомъ положеніи мнѣ ни разу не приходилось слышать ропота или нареканій, несмотря еще на то, что, по заявленіямъ нѣкоторыхъ начальниковъ округовъ, бывали случаи, когда войска вынуждались необходимостью подводы, взятые на одинъ переходъ, задерживать на дальнѣйшій путь, что приводило къ окончательному изнуренію и даже смерти рабочаго скота.

Не могу также не доложить вашему сіятельству одной изъ подробностей происшествія 30 Ноября въ г. Ени-Загрѣ, куда главный директоръ финансовъ Восточной Румеліи Шмидтъ, Австрійскій комиссаръ Калай и второй Англійскій комиссаръ Донмаръ прибыли для пріема казначейства.

Наши недоброжелатели хотѣли придать дѣлу значеніе сопротивленія, чуть даже не насилія со стороны мѣстнаго населенія, противъ

*) Ген.-лейт. Столыпинъ донесъ главнокомандующему о состояніи дороги. Ген.-ад. Тотлебенъ, признавъ свѣдѣнія о дорогѣ вѣрными, рѣшился принять энергичныя мѣры для возможнаго ея исправленія.

Европейскихъ комиссаровъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что ежели бы со стороны г. Калая было высказано болѣе такта, то, несмотря на всю ненависть, которую здѣшніе жители питають къ Европейской Комиссіи и ея работамъ, а въ особенности къ г. Шмидту (замѣчательному Туркофилу), все окончилось бы благополучно, хотя, впрочемъ, и такъ Европейскіе делегаты не подверглись никакимъ оскорбленіямъ. Но когда г. Калай началъ объяснять жителямъ, что комиссія имѣетъ въ виду улучшить ихъ бытъ, дать имъ зерно для обсемененія полей и рабочій скотъ, то Енизагрскіе Болгары, которымъ дѣйствительно угрожаетъ голодъ *), отвѣтили, что принять отъ Комиссіи не желаютъ ничего, что постараются безъ ея помощи перенести угрожающій имъ голодъ, что когда въ прошломъ году ихъ рѣзали Турки, то они обращались къ консуламъ въ Адрианополѣ, прося защиты, но просьбы ихъ были отвергнуты и что они знаютъ своихъ друзей и недруговъ, что одинъ лишь Русскій Царь и его народъ сочувствуютъ Болгарамъ, и въ заключеніе толпа возгласила „да живе Царь Александръ!“

Такіе возгласы были, конечно, не на руку г. Калаю и его спутникамъ, почему они и поспѣшили представить происшествіе едва не въ видѣ бунта.

Замѣчательное самообладаніе и политическій тактъ, съ которымъ до сего времени держали себя жители Восточной Румелии въ виду настоящихъ событій.

Извѣстна ненависть здѣшняго народа къ Европейской комиссіи, почему, при подобныхъ обстоятельствахъ, даже и въ странѣ болѣе цивилизованной, возможны были бы печальныя столкновенія. Здѣсь же, несмотря на то, что господа комиссары нерѣдко подають поводъ къ беспорядкамъ, таковыхъ почти не случается. И точно, Англійскіе делегаты посылають своихъ подчиненныхъ производить дознанія въ деревни, и народъ, имѣя устроенную нами полицію, не оскорбляетъ и не задерживаетъ производящихъ дознаніе. Кавасы комиссаровъ свободно ходятъ по городу въ фескахъ и нѣкоторые при оружіи. Недавно первый Англійскій комиссаръ Друммондъ Вольфъ, не обращаясь къ

*) Голодъ угрожаетъ не только Ени-Загрскому округу, но и нѣкоторымъ другимъ, въ которыхъ недостаетъ хлѣба до новаго урожая, особенно въ случаѣ ожидаемаго наплыва бѣженцевъ изъ мѣстностей, которыя будутъ оставлены нашими войсками. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, озабочиваясь предотвращеніемъ бѣдствій, полагаетъ перевезти для раздачи нуждающимся въ Восточной Румелии изъ Болгаріи хлѣбъ, взятый въ Турецкихъ складахъ и собранный съ оставленныхъ Турками полей.

мѣстной полиціи, послалъ своихъ кавасовъ для приведенія водовоза, позваннаго въ другой дворъ.

Но особенно ярко Болгары выразили политическій тактъ 4 Января, въ день празднованія годовщины занятія нашими войсками Филиппополя, который чрезъ это былъ спасенъ отъ разграбленія. Никакой предосудительной выпадки, никакой враждебной Туркамъ демонстраціи и вообще ни малѣйшаго безпорядка не было произведено Болгарами. Наружное спокойствіе не исключаетъ однако возбужденія и броженія умовъ, которыя здѣсь усиливаются съ каждымъ днемъ. До послѣдняго времени Болгары твердо вѣровали, что прежде ухода нашихъ войскъ состоится сліяніе Восточной Румеліи съ Болгаріею, благодаря усиліямъ нашего правительства. Такое убѣжденіе они основывали между прочимъ и на томъ, что вводимыя нами учрежденія были тождественны для Румеліи и Болгаріи и что земское войско формировалось на однихъ началахъ и имѣло общее начальство.

Въ настоящее время, особенно послѣ передачи Европейской Комиссіи, финансовъ страны здѣшніе Болгары начинаютъ думать, что, не смотря на самое искреннее желаніе, наше правительство, въ силу сложившихся политическихъ обстоятельствъ, не въ состояніи будетъ провести дѣло сліянія частей Болгаріи.

Но снова попасть подъ власть султана большинство Болгаръ считаетъ положительно невысказаннымъ. „Кто послѣ жестокаго рабства“, говорятъ они, „испыталъ въ теченіе года блага свободы и хорошаго управленія, тотъ не можетъ добровольно положить шею подъ ярмо“. Султану они не вѣрятъ и считаютъ его бессильнымъ. Они выражаютъ, что на основаніи ст. XVI Берлинскаго договора, генераль-губернатору предоставляется право призвать въ страну Оттоманскія войска, причемъ Порты обязана поставить лишь въ извѣстность представителей державъ въ Константинополь о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ его вызвавшихъ. Такимъ образомъ, еще прежде сообщенія Порты, войска ея внесутъ въ страну убійство и разореніе.

Когда въ здѣшней газетѣ „Марица“ начали печатать выработываемый Комиссіею проектъ Устава для устройства Восточной Румеліи, то немедленно въ той же газетѣ появилось отъ жителей Казалинскаго и Татаро-Базарджикскаго округовъ телеграммы, въ которыхъ высказывается рѣшимость скорѣе умереть до послѣдняго человѣка, нежели снова подпасть подъ власть султана. Полагаю, что съ уходомъ нашихъ войскъ здѣсь легко можетъ вспыхнуть возстаніе, что, повидимому, тѣмъ болѣе вѣроятно, что, во время моихъ поѣздокъ, я могъ убѣ-

даться въ существованіи въ рукахъ Болгарь большого числа исправнаго оружія и большого количества патроновъ.

Въ послѣднее время здѣсь стали ходить слухи, что именитые Болгары, на предстоящемъ собраніи въ Тырновѣ, откажутся разсматривать органической Уставъ, который имъ будетъ представленъ Императорскимъ комиссаромъ на томъ основаніи, что будутъ считать себя неуполномоченными безъ присутствія представителей другихъ частей Болгаріи: Фракіи и Македоніи.

Кромѣ того въ Болгаріи появилась печатная прокламація (каково трѣба да са прави“ (какъ нужно дѣйствовать). Въ прокламаціи этой совѣтуютъ именитымъ гражданамъ Болгаріи, по заявленію на собраніи въ Тырновѣ о томъ, что они не могутъ разсматривать органическаго Устава, разойтись по домамъ. Сверхъ того прокламація рекомендуетъ предупредить Турокъ занятіемъ охотниками Балканскихъ проходовъ.

Нужно полагать, что князь Дондуковъ-Корсаковъ, которому извѣстны и слухи, и прокламаціи, устроить дѣло такъ, что въ Тырновѣ безпрепятственно будутъ происходить предположенныя занятія.

Въ заключеніе имѣю честь доложить, что изъ разныхъ частей Восточной Румелии собираются также депутаты отправиться на собраніе въ Тырново. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я говорилъ и объяснялъ, что они не будутъ допущены на собраніе. На это мнѣ отвѣчали, что почти увѣрены, что ихъ не допустятъ, но, что, явившись въ Тырново, ни исполнять свой политическій долгъ.

II.

Копія съ конфиденціального отношенія генераль-губернатора Восточной Румелии г. послу въ Константинополь отъ 10 Марта 1879 г. № 460.

Уѣзжая въ Адрианополь 20 Февраля, я наканунѣ моего отъѣзда узналъ, почти случайно, что директоръ финансовъ г. Шмидтъ собирается совершить объѣздъ окружныхъ казначействъ Сливенской губерніи и части Филиппопольской.

Не имѣя времени до отъѣзда принять мѣры къ обезпеченію этой поѣздки, я немедленно послалъ мѣстнаго полицеймейстера Соколовскаго къ Французскому делегату Кутули и просилъ его отклонить поѣздку г. Шмидта впредь до моего возвращенія. Мнѣ казалось это тѣмъ возможнѣе, что директоръ финансовъ почти два мѣсяца какъ собирался объѣхать окружныя казначейства, къ исполненію чего я

его даже вначалѣ поощрялъ, считая его ознакомленіе на мѣстѣ съ финансами страны далеко не бесполезнымъ и находя, что въ то время спокойное настроеніе жителей обезпечивало безопасность этого путешествія.

Къ сожалѣнію не таковы были взгляды г. Шмидта и его руководителя Австрійскаго делегата Каллая; имъ нужно было для объѣзда страны болѣе возбужденное время; имъ, какъ видно, желательно было дожидаться Тырновскаго собранія и Адрианопольской эмиграціи, чтобы заручиться такимъ настроеніемъ умовъ, которое служило бы порукою того, что беспорядки будутъ и что удастся доказать безсиліе Русской власти къ подавленію оныхъ.

Тѣмъ не менѣе я могъ уѣхать спокойно въ Адрианополь, такъ какъ полицеймейстеръ принесъ мнѣ отъ г. Кутули совершенно успокоительный отвѣтъ: поѣздка Шмидта видимо отлагалась до моего возвращенія.

Послѣдовавшее, за время моего отсутствія, засѣданіе международной комиссіи совершенно измѣнило первоначальныя предположенія. Отъ Шмидта нѣкоторые изъ делегатовъ потребовали, чтобы онъ ѣхалъ немедленно; г. Кутули не удалось отстоять даннаго мнѣ имъ обѣщанія; отъѣздъ директора финансовъ былъ рѣшенъ, причемъ опять-таки совершенно противно моимъ неоднократнымъ просьбамъ: объѣздъ Сливенской губерніи долженъ бы начать быть г. Шмидтомъ не съ города Сливны, а съ округовъ.

Получивъ это извѣстіе въ Адрианополѣ, я немедленно телеграфировалъ временному предсѣдателю Европейской комиссіи барону Рингу и просилъ его либо отложить, согласно данному мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ обѣщанію, поѣздку Шмидта до моего возвращенія, либо во всякомъ случаѣ направить ее прямо въ городъ Сливну, гдѣ онъ могъ бы предварительно сговориться съ губернаторомъ и получить отъ него надлежащія инструкціи и предписанія.

Въ помянутой телеграммѣ я указывалъ барону Рингу на послѣдовавшее по настоящему дѣлу совершенное пренебреженіе моими совѣтами и просьбами и слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія подобнаго рода образа дѣйствій.

Какъ имѣлъ честь уже сообщить вашему сіятельству въ предпослѣднемъ моемъ донесеніи отъ 27 Февраля, съ перваго шага директора финансовъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Болгаръ. Въ

Хаскію толпа окружила зданіе казначейства и потребовала отъѣзда нежеланнаго гостя.

Отправившійся немедленно на мѣсто происшествія Филиппопольскій губернаторъ принялъ энергическія мѣры къ подавленію беспорядковъ, арестовалъ предполагаемыхъ зачинщиковъ и доставилъ г. Шмидту возможность произвести ревизію казначейства. Въ Хаскію мною была въ наказаніе назначена экзекуція, т.-е. распредѣлена въ городѣ на постой и на полное содержаніе жителей войсковая часть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я отправилъ въ распоряженіе г. Шмидта, для охраны его личности, двухъ вполне надежныхъ Русскихъ жандармовъ.

Съ легкой руки города Хаскію, дальнѣйшая поѣздка г. Шмидта вызывала все сильнѣйшіе беспорядки. Въ Ямболѣ толпа гораздо уже многочисленнѣе и грознѣе окружила домъ, въ которомъ остановился директоръ финансовъ, и требовала немедленнаго выѣзда его изъ города.

Впереди толпы стояли женщины и дѣти, за ними мужчины, и масса эта занимала не только пространство передъ домомъ, но и крыши сосѣднихъ домовъ; всѣ увѣщанія окружнаго начальника, уговаривавшаго толпу разойтись, оказались тщетными; смѣльчаки стали пытаться вломиться въ двери, отдѣлявшія толпу отъ помещенія, занимаемаго Шмидтомъ, и жандармы съ большимъ лишь трудомъ могли сдержать напоръ толпы.

Старшій въ городѣ по чину генераль-маіоръ Маркозовъ, узнавъ о происходящемъ, вышелъ къ толпѣ и старался вразумить ее на счетъ дѣйствительнаго положенія г. Шмидта и его дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль Маркозовъ потребовалъ роту сапѣръ и полусотню казаковъ. Сапѣры и казаки, оцѣпивъ толпу, заставили ее разойтись. Лишь тогда были допущены депутаты для переговоровъ съ директоромъ финансовъ. Г. Шмидтъ, обратясь къ депутатамъ, объявилъ имъ, что онъ не Турокъ и не Англичанинъ, что работа его не имѣетъ ничего общаго съ политикою, что назначенъ онъ на занимаемую имъ должность по волѣ, между прочимъ, и Русскаго Государя; что онъ любитъ Болгарскій народъ и т. п. При этомъ г. Шмидтъ прибавилъ, что его совершенно искреннее желаніе видѣть Восточную Румелію скорѣе слившеюся съ Сѣвѣрною Болгарією. Депутаты благодарили его, пожимали ему руки, приговаривая: „это все очень хорошо, но ты-то все-таки уѣзжай отъ насъ сейчасъ же, мы тебѣ желаемъ счастливаго пути“. „Нельзя было“,—пишетъ генераль Маркозовъ,—„внутренно не смѣяться, слушая эту любезность депутатовъ; невольно

какъ-то вспоминалось извѣстное: „bona sero—Don Basilio“, изъ „Сивильскаго Цирюльника“.

Видя безуспѣшность своихъ переговоровъ съ депутатами и опасаясь сильнѣйшихъ беспорядковъ, директоръ финансовъ 28 Февраля выѣхалъ по дорогѣ въ Сливну, сопровождаемый конвоемъ изъ десяти казаковъ.

Въ то время, какъ происходили вышеназложенныя волненія въ Ямболѣ, въ народѣ Сливнѣ съ утра 28 Февраля заволновался и зашумѣлъ, провѣдавъ о предстоящемъ приѣздѣ г. Шмидта.

Десятитысячная народная масса, собравшаяся въ городѣ наканунѣ для привѣтствованія проѣзжавшаго въ тотъ день черезъ Сливну главнокомандующаго, стала сходить къ зданію, занимаемому присутственными мѣстами. Губернаторъ вышелъ къ толпѣ и спросилъ о цѣли сборища. Ему отвѣчали одни, что въ Сливну ѣдетъ какой-то паша съ Турецкими войсками; другіе, что желаютъ видѣть г. Шмидта. Разъяснивъ народу дѣйствительную цѣль приѣзда Шмидта, губернаторъ приказалъ сборищу немедленно разойтись, что и было исполнено. Въмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о командированіи навстрѣчу г. Шмидту вице-губернатора и полицеймейстера съ жандармами и казаками.

Нѣсколько часовъ спустя, губернаторъ лично выѣхалъ по дорогѣ въ Ямболи. Близъ города онъ встрѣчалъ ежеминутно кучки народа, съ которыми говорилъ и которымъ приказывалъ расходиться. Народъ сходилъ съ дороги; но, какъ стало извѣстно лишь потомъ, не расходился домой, а прятался по канавамъ вдоль шоссе. На случай новыхъ беспорядковъ были вызваны 2 роты расположеннаго въ городѣ 4-го резервнаго баталіона. Около 4 часовъ дня прискакали вице-губернаторъ и полицеймейстеръ и доложили губернатору, что г. Шмидтъ, будучи остановленъ по дорогѣ толпою, состоявшею почти исключительно изъ женщинъ, заявившихъ ему на Турецкомъ языкѣ, что населеніе города не желаетъ его видѣть, не рѣшился продолжать своего путешествія и вернулся назадъ въ Ямболи.

Губернаторъ немедленно командировалъ вице-губернатора догнать г. Шмидта и уговорить его вернуться въ Сливну. Въ томъ же смыслѣ вечеромъ была послана губернаторомъ телеграмма г. Шмидту въ Ямболу.

Но все убѣжденія оказались тщетными: директоръ финансовъ не рѣшился ѣхать въ Сливну, такъ какъ бывшій въ Ямболи началь-

никъ этаповъ генераль Тихменевъ не далъ ему ручательства въ безопасности поѣздки, какъ того требовалъ отъ него Шмидтъ и, переночевавъ въ Ямболи на станціи желѣзной дороги, онъ на другой день, т.-е. 1 Марта, вернулся въ Филиппополь.

Получивъ извѣстіе о происходившемъ и узнавъ о возвращеніи въ Филиппополь г. Шмидта, я немедленно рѣшилъ ѣхать лично въ Сливну и предложилъ директору финансовъ сопровождать меня въ этой поѣздкѣ. вмѣстѣ съ Шмидтомъ вызвался ѣхать со мной и 2-й Французскій делегатъ г. Кутули, докладчикъ финансоваго комитета.

По пріѣздѣ моемъ въ Ямболи, господствовалъ полнѣйшій порядокъ. Народъ привѣтствовалъ меня восторженными кликами въ честь Россіи, Русскаго Царя, и одновременно, провѣдавъ, что со мною ѣдетъ Французскій делегатъ г. Кутули, выразилъ свое сочувствіе къ Франціи и ея политикѣ самыми искренними и единодушными привѣтствіями.

Я не счелъ возможнымъ принять въ Ямболи строгихъ карательныхъ мѣръ. Я ограничился лишь вызовомъ къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ жителей города, разъяснивъ имъ совершенную неумѣстность произведенныхъ демонстрацій. вмѣстѣ съ тѣмъ я удалился отъ должности окружнаго начальника, который выказалъ себя, при бывшихъ въ Ямболѣ беспорядкахъ, непредусмотрительнымъ и весьма нераспорядительнымъ. Наблюденіе за порядкомъ въ городѣ возложено было мною *на мѣстное гимнастическое дружество*.

3 Марта утромъ я выѣхалъ въ Сливну въ сопровожденіи г. Кутули и Шмидта. Встрѣченный у вѣзда въ городъ почти всѣмъ народонаселеніемъ, я продолжалъ путь среди громкихъ криковъ восторженной толпы. Кидали цвѣты, кричали да здравствуетъ Русскій Царь! да здравствуетъ Русскій народъ и Русское войско! Вдоль улицы были разставлены шпалерами члены гимнастическаго дружества, числомъ до двухъ тысячъ человекъ.

Въ 5 часовъ дня большая толпа собралась у зданія конака, въ которомъ помѣщается касса, и у дома занимаемаго губернаторомъ, въ которомъ я остановился. Раздались громкія требованія о немедленномъ выѣздѣ изъ города г. Шмидта, непріязненные ему восклицанія перемѣшивались съ восторженными привѣтствіями намъ, Русскимъ и Франціи, въ лицѣ ея симпатичнаго представителя г. Кутули. Стремясь разсѣять толпу, я выслалъ къ ней губернатора и полковника Кисякова. Затѣмъ я вышелъ и самъ къ толпѣ. Головы обнажились,

раздались обичныя восклицанія, женщины кидались на меня, цѣловали мнѣ руки и ноги и слезно молили не выдавать ихъ Туркамъ. „Бей насъ, кричали онѣ, убей насъ, если хочешь, но не дадимъ мы кассы Шмидту“. Я приказалъ арестовать наиболѣе выдававшихся крикуновъ и подвергнулъ ихъ административному взысканію.

Требовать рѣшительно удаленія толпы я не считъ нужнымъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь 80 человекъ резервнаго баталіона и неопытанную еще мною дружину, мое требованіе вѣроятно не было бы исполнено, что меня компрометировало бы.

Въ это самое время толпа старухъ и вдовъ, мужья коихъ были убиты Турками, собралась у крыльца конака и выражала рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ допустить Шмидта къ кассѣ. Возбужденіе и ненависть къ возвращенію Турецкихъ порядковъ особенно сильны между женщинами. Причину этого мы находимъ въ тѣхъ словахъ, съ которыми одна изъ матерей-Болгарокъ обратилась къ Шмидту въ тотъ же день 3 Марта, когда онъ, въ сопровожденіи воинскаго начальника, вышелъ гулять по городу: „я потому не люблю Турокъ“,— кричала одна женщина, обращаясь къ г. Шмидту и смотря ему прямо въ лицо,—„что у меня было пять такихъ же какъ ты рослыхъ болвановъ-сыновей, и всѣ они пали въ борьбѣ съ Турками“.

Желая доказать толпѣ, что не боюсь ея и считая въ тоже время необходимымъ показать иностранцамъ, что созданныя нами гимнастическія дружества не производятъ беспорядковъ и приучены къ дисциплинѣ, я приказалъ поставить какъ къ двери моей квартиры, такъ и къ дверямъ конака караулъ изъ членовъ дружества. Одновременно я сдѣлалъ секретное распоряженіе о ввѣдѣ въ Сливну Шуйскаго полка, стоявшаго въ двухъ переходахъ отъ Сливны.

Къ вечеру 3 Марта народъ сталъ расходиться, но, къ сожалѣнію, лишь для того, чтобы на другой день, т.е. 4 Марта, съ утра собраться еще въ большихъ размѣрахъ. Стекался народъ изъ окрестныхъ ближайшихъ къ Балканамъ селеній, и всѣ выражали одну упорную, мрачную ненависть къ Шмидту, какъ предвѣстнику возвращающагося Турецкаго управленія. Толпа пыталась окружить и занять домъ, въ которомъ помѣщались начальникъ Румелійской милиціи, полковникъ Кисяковъ и гг. Кутули и Шмидтъ, но натискъ ея былъ блистательно отбитъ Болгарскою дружиною, которою я рискнулъ воспользоваться, не имѣя другой части. Это молодое войско, славное созданіе Императорскаго комиссара, выказало стойкость и дисциплину, достойную Русской гвардіи. Милиціонерамъ, охранявшимъ помѣщеніе гг. Шмидте

и Кутули, было предписано удерживать натискъ толпы, держа ружья на перевѣсь. Въ это время стали пускать изъ толпы въ милиціонеровъ камнями. Одинъ камень попалъ въ лицо молодого солдата и разбилъ ему челюсть. Раненый спокойно оставался на своемъ посту, держа ружье на перевѣсь. Лишь потомъ, видя, что одного пассивнаго противодѣйствія оказывалось недостаточно, полковникъ Кисяковъ приказалъ дружинникамъ разогнать толпу прикладами, что и было ими немедленно исполнено.

Не могу не обратить особаго вниманія вашего сіятельства на поведеніе въ этомъ случаѣ Румелійской милиціи. Она положительно и безусловно необходима для поддержанія порядка въ странѣ. Ея организація оказывается превосходною, а потому я позволяю себѣ повторить сказанное мной въ донесеніи отъ 27 Февраля. Всякое измѣненіе, на основаніи предположеній Европейской комиссіи, въ организаціи земскаго войска страны будетъ положительно вредно и можетъ обратить милицію противъ мѣстной администраціи, тогда какъ нынѣ она является вполнѣ покорнымъ и твердымъ орудіемъ въ рукахъ этой администраціи. Подводя итогъ подъ все сказанное мной по этому предмету, какъ приличномъ вамъ докладѣ, такъ и въ предшествующихъ моихъ донесеніяхъ, я прихожу къ твердому убѣжденію, что принятая нашими комиссарами организація (по мысли комиссіи и по увѣренію совершенно незнающихъ края гг. Диксона и Торси) громадной жандармеріи и ничтожной милиціи, окончательно подорветъ автономію Румеліи. При семъ я нахожу совершенно невозможнымъ оставить наши кадры и нашихъ офицеровъ, такъ какъ имъ во главѣ дружинъ, образованныхъ на новый ладъ, предстоятъ лишь два исхода: или принять сторону Турецкаго правительства въ неуспѣшномъ подавленіи неминуемаго народнаго возстанія, чѣмъ подорвется наше нравственное вліяніе, или участвовать въ самомъ возстаніи, что запятнаетъ Русскій мундиръ.

Возвращаюсь къ Сливенскимъ происшествіямъ. Вечеромъ 4 Марта я хотѣлъ воспользоваться прибытіемъ перваго эшелона Шуйскаго полка, состоящаго изъ трехъ ротъ, чтобы внезапно занять конакъ и кассу. Но при видѣ движенія войскъ, народъ сильно заволновался, ударили въ набатъ. Полковникъ Кисяковъ, собравъ дружину, стремился разогнать толпу и готовъ былъ стрѣлять. Къ счастью, я успѣлъ предупредить и на этотъ разъ кровопролитіе, приказавъ войскамъ оставаться на мѣстѣ и оставить толпу въ покоѣ; это кажущееся съ моей стороны послабленіе было вызвано тѣмъ общимъ направленіемъ, котораго я не переставалъ держаться.

Какъ я говорилъ уже выше, безпорядки были, если не подготовлены, то во всякомъ случаѣ желаемы партіей международной комиссіи, намъ враждебной. Ходятъ даже слухи, за достовѣрность которыхъ впрочемъ не ручаюсь, что подстрекателями народа являются агенты Австро-Венгерскаго делегата. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ спора, что благоразумные Болгары, дѣйствительные и серьезные народные вожаки, были не только чужды, но даже враждебны Сливенскимъ безпорядкамъ. Было ясно, что народъ сорвался съ той цѣпи, на которой вожаки эти думали его держать, и нѣтъ спора, что въ народѣ дѣйствовали вожаки другого рода, работавшіе по наущенію изъ Филиппополя. Работа ихъ была, конечно, значительно облегчена тою подготовленною и возбужденною почвою, которую они нашли въ населеніи Сливенской губерніи; но полный успѣхъ ихъ трудовъ былъ бы достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если бы я стрѣлялъ и если бы братская тѣсная связь Русскаго народа съ Болгарскимъ была бы, быть-можетъ, разорвана на вѣки пролитіемъ Болгарской крови Русскимъ солдатомъ и Русскимъ ружьемъ.

5 Марта, около двухъ часовъ дня, къ гг. Кутули и Шмидту являлась депутація отъ жителей и поднесла имъ обоимъ адресъ. Адресъ г. Кутули заключалъ почти исключительно выраженія благодарности за сочувственную къ Румелійскому вопросу политику его и перваго делегата барона Ринга; въ адресѣ Шмидту депутаты просили его не трогать кассы. Они не хотятъ и не могутъ признать Берлинскаго трактата; сдавъ кассу Шмидту, они тѣмъ самымъ покоряются одной изъ статей трактата и боятся подать поводъ къ тому, чтобы ихъ впослѣдствіи не укорили въ подчиненіи основаніямъ готовящагося для Румеліи положенія и въ недостаткѣ своевременныхъ противъ онаго протестовъ. Депутація хотѣла явиться и ко мнѣ, но я отказался принять ее и ограничился высылкою къ депутатамъ полковника Кисякова, которому поручилъ выразить депутатамъ мое полнѣйшее неудовольствіе за происшедшіе безпорядки и настоятельное требованіе, чтобы они всѣми силами повліяли на толпу и побудили ее разойтись.

6 Марта съ утра наплывъ народа все увеличивался. Толпа окружила конакъ и домъ, занимаемый губернаторомъ. Г. Шмидтъ, съ разрѣшенія моего, вышелъ къ толпѣ и старался убѣдить ее, что онъ не врагъ Болгарамъ, что его распоряженія клонятся къ благу страны. Его слушали вѣжливо, но крайне при томъ неохотно, и отвѣчали лишь однимъ—просьбою ему поскорѣе уѣхать.

Видя, что убѣжденія тутъ ровно ни къ чему не поведутъ и зная о предстоящемъ въ тотъ день по маршруту прохожденіи черезъ Сливну Эстляндскаго полка, а равно и объ ожидаемомъ прибытіи Шуйскаго полка, я не трогалъ уже толпы и, выжидая войсковыя части, составилъ планъ маневра, по которому оба полка могли бы окружить народъ и заставить его разойтись по домамъ.

Приказъ мой состоялъ въ слѣдующемъ. Проходящій Эстляндскій полкъ расположить въ двухъ отдаленныхъ кварталахъ и не выпускать оттуда жителей; Шуйскому же полку идти церемоніальнымъ маршемъ во всю ширину трехъ улицъ, ведущихъ къ занятой народомъ площади и этимъ безостановочнымъ маршемъ очистить ее.

Въ два часа вступилъ въ городъ Эстляндскій полкъ, въ четыре часа Шуйскій. Движеніе произошло вполне правильно; масса народная была окружена, стиснута и, увидя себя захваченною въ ловушку, разошлась. Ни штыками, ни прикладами дѣйствовать не приходилось, нѣсколько человѣкъ изъ толпы были ушиблены во время натиска.

Вслѣдъ за разгономъ толпы, я объявилъ городъ на военномъ положеніи, такъ что никто вечеромъ не смѣлъ выходить на улицу безъ фонаря подъ страхомъ штрафа.

Спокойствіе было восстановлено, и вечеромъ г. Шмидту могли уже безопасно принести кассовыя книги, которыя были имъ просмотрѣны и найдены въ совершенномъ порядкѣ. При этомъ г. Шмидтъ заявилъ, что онъ не считаетъ необходимымъ провѣрить кассу, и въ 1 часу ночи, закончивъ свое дѣло, онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ г. Кутули обратно въ Ямболи, а оттуда въ Филиппополь.

Таково совершенно точное и подробное описаніе грустныхъ Сливенскихъ событій. Въ донесеніи моемъ отъ 8 сего Марта я имѣлъ честь изложить вашему сіятельству тѣ общіе выводы, къ которымъ меня привели происшествія послѣднихъ дней. Я сообщилъ вамъ также копію съ моего приказа за № 400, изъ коего ваше сіятельство соблагovolите усмотрѣть о принятыхъ мною, по отношенію къ Сливенскому населенію, карательныхъ мѣрахъ.

Помимо этихъ мѣръ я поручилъ губернатору произвести дополнительное тщательное дознаніе и обнаружить зачинщиковъ беспорядковъ, какъ въ Ямболѣ, такъ и въ Сливнѣ.

Но приходится сознаться, что розыски эти, по всей вѣроятности, ни къ чему не поведутъ: виновны всѣ безъ исключенія, такъ что

принятіе какихъ-либо карательныхъ мѣръ, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, немислимо.

Что же касается до зачинщиковъ, то они, во-первыхъ, тщательно прячутся за толпою, ею бдительно охраняются и не были и не будутъ выданы. Еще труднѣе было бы розыскать ихъ, если дѣйствительно они, какъ я полагаю и какъ я имѣлъ честь выразить выше, агенты намъ враждебныхъ делегатовъ Европейской комиссіи. Въ послѣднемъ случаѣ даже самый фактъ розыска ихъ едва ли желателенъ; найденные и приговоренные къ наказанію, они едва ли понесутъ послѣдствія онаго, ибо за нихъ всегда будутъ сильные тому ходатаи.

Грустнымъ подтвержденіемъ моихъ словъ можетъ служить извѣстное вашему сіятельству дѣло Османъ-бея. Османъ-бей, какъ ясно обнаружено предварительнымъ слѣдствіемъ, совершилъ подлогъ по наущенію, и даже говорятъ, по подкупу, одного изъ лицъ, близкихъ къ сэру Генри-Друмону Вольфу. Судъ приговорилъ его за подлогъ къ наказанію, котораго онъ, ввиду послѣдовавшаго за него заступничества, вѣроятно не понесетъ.

Не та ли же судьба ожидала бы, въ случаѣ ихъ розыска, дѣйствительныхъ зачинщиковъ Сливенскихъ беспорядковъ и не могло ли бы случиться, что рядомъ съ ихъ оправданіемъ, потерпѣли бы лица менѣе виновныя, но дѣйствовавшія не по наущенію, а по своему, правда опрометчивому, но совершенно искреннему разумѣнію?

Какъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, возбужденіе Болгарскаго народа становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе мы удаляемся въ глубь страны. Я не стану утомлять вашего сіятельства передачею всѣхъ тѣхъ единичныхъ случаевъ, о которыхъ мнѣ говорили и которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Не могу не сообщить вамъ однако характеристичнаго отвѣта Болгарки на вопросъ: посылаетъ ли она своего сына въ гимнастическое дружество. „Да“,—отвѣчала мать,—„я посылаю его, пусть учится умирать“.

Эта фраза яснѣе всего представляетъ настроеніе Болгарскаго населенія; они учатся умирать, и умрутъ, отстаивая добытую Русскою кровью свободу.

Я былъ бы крайне счастливъ, если бы мои предположенія не оправдались въ будущемъ, но, къ сожалѣнію, нынѣ я могу лишь вновь подтвердить, что цѣною однихъ дѣйствительныхъ и крупныхъ уступокъ можетъ быть, по отходѣ нашихъ войскъ, поддержанъ порядокъ въ Восточной Румеліи. Стремленіе и желанія Румеліотовъ вовсе

не направлены исключительно къ соединенію этой провинціи съ Сѣверною Болгаріею. Это ихъ мечта, правда; но они не требуютъ ея немедленнаго осуществленія. Они просятъ теперь однѣхъ лишь дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ гарантій ихъ автономіи и видятъ эти гарантіи въ двухъ основныхъ пунктахъ:

- 1) Въ недопущеніи Турецкихъ гарнизоновъ въ Балканы, и
- 2) Въ назначеніи, съ согласія державъ и утвержденія Порты, Христіанина-Европейца генераль-губернаторомъ Румелии.

Лишь при этихъ двухъ уступкахъ можно было бы, по моему мнѣнію, оставить нашихъ офицеровъ въ милиціи, но при непремѣнномъ также условіи, чтобы милиція осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ нынѣ.

Въ заключеніе вопроса о милиціи, ввиду преобразованія ея, прошу ваше сіятельство почтить меня разъясненіемъ по двумъ вопросамъ, которыхъ я уже касался въ донесеніи отъ 27 Февраля.

1) Стоитъ ли еще нынѣ пополнить составъ милиціи призывомъ Турокъ и Грековъ, и

2) Нужно ли на остающееся короткое время пригласить иностранныхъ офицеровъ? По моему мнѣнію, на эти двѣ мѣры, какъ и на оставленіе въ кадрахъ нашихъ офицеровъ, можно только согласиться въ томъ случаѣ, если коммиссія согласится временно, хотя бы на годъ, впредь до умиротворенія края, оставить милицію и жандармерію въ настоящемъ ихъ численномъ составѣ и предложенной мною организаціи.

Если Европейскія правительства дѣйствительно желаютъ мира, они должны на это согласиться.

III.

Копія съ конфиденціального отношенія генераль-губернатора Восточной Румелии послу въ Константинополь, отъ 22 Апрѣля 1879 г., за № 875.

Вашему сіятельству уже извѣстно изъ моихъ предыдущихъ сообщеній о существованіи повсемѣстно почти въ Восточной Румелии Комитетовъ, руководящихъ народнымъ движеніемъ.

Комитеты эти за послѣднее время весьма часто мѣняли характеръ своей дѣятельности. То, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о вѣроятномъ удовлетвореніи завѣтныхъ желаній Румелиотовъ, брала въ нихъ верхъ партія умѣренная, считающая во главѣ своей эчарха, то одновре-

менно съ мрачными извѣстіями о вступленіи Турокъ въ страну, одерживала верхъ партія либеральная или, другими словами, партія возстанія.

Я хорошо зналъ о дѣятельности этихъ Комитетовъ, зналъ лично наиболѣе вліятельныхъ членовъ оныхъ и потому предпочелъ установить отношенія мои къ нимъ на почвѣ взаимнаго довѣрія безцѣльному, вѣроятно, принятію рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ прикрытію.

Тактика эта мнѣ до сихъ поръ удалась, и подтвержденіемъ тому можетъ служить то обстоятельство, что до сего времени, не смотря на крайнее возбужденіе умовъ, я могъ сдержать народную массу въ предѣлахъ благоразумія, и достигъ того, что вожаки движенія ходятъ ко мнѣ за полученіемъ имъ пужнаго *mot-d'ordre* руководства.

На сихъ дняхъ, между прочимъ, узнавъ, что въ Филипполѣ собрались депутаты отъ Комитетовъ для обсужденія мѣръ, которыя должны быть приняты при новомъ положеніи дѣлъ, и для составленія мемуара къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополь, мемуара при томъ крайне рѣзкаго, я призвалъ къ себѣ депутатовъ самой радикальной партіи и имѣлъ съ ними довольно продолжительную бесѣду.

Вамъ извѣстно, господа, началъ я, что Государю Императору угодно поддержаніе мира и что, слѣдовательно, предпринявъ какія либо дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію этого мира, вы возстановите противъ себя не только остальные Европейскія державы, но и Россію и ея Государя.

Становясь на эту безусловно необходимую мирную почву, я не одобряю послѣднихъ прокламацій, пущенныхъ въ народъ Комитетами; особенно не одобряю и той формы, которою вы вводите народъ въ заблужденіе, обѣщая ему помощь 80 милліоновъ Славянъ. Это положительно неправда:—вамъ никто не поможетъ, и вы рѣшительно должны отказаться отъ надежды вовлечь Россію въ новую изъ-за васъ войну.

Мнѣ также прискорбно, прибавилъ я, что вы, не смотря на ваши обѣщанія не дѣлаете ни шага помимо меня, издали эти прокламаціи безъ моего вѣдома и согласія.

Депутаты мнѣ отвѣчали, что прокламація была напечатана въ Сливнѣ и преждевременно распространена тамъ помимо ихъ воли; что написана была эта прокламація въ то время, пока я былъ въ Тырновѣ, что мнѣ они намѣревались ее показать по моемъ возвращеніи и что въ Филипполѣ ее не распространяли и распространять не будутъ.

Послѣ этого я передалъ моимъ собесѣдникамъ сущность послѣднихъ инструкцій, полученныхъ мною какъ отъ вашего сіятельства, такъ и отъ статсъ-секретаря Гирса.

На вашемъ мѣстѣ, сказалъ я, я въ настоящее время оставилъ бы въ сторонѣ всякую мысль о соединеніи съ Сѣверной Болгаріею.

Да и притомъ, продолжалъ я, переходя уже на почву совершенно частнаго конфиденціального разговора, управление Болгаріи чрезвычайно, по моему мнѣнію, дорогое, выработанная конституція черезчуръ либеральна и пригодна развѣ для государства вродѣ Бельгіи, а отнюдь не для Славянскаго народа, которому еще нуженъ опытный и твердый руководитель. Вамъ же, по настоянію Государя Императора, дали въ генераль-губернаторы челоуѣка опытнаго и Болгарина родомъ. Издержки по управленію Румелиею, не смотря на то, что страна богаче Болгаріи, гораздо ограниченнѣе Болгарскихъ; чего же вамъ болѣе?

Словами своими я, какъ видно, затронулъ самую почти чувствительную струну Болгарскаго сердца, а именно струну денежную.

Депутаты всѣ въ одинъ голосъ согласились съ моими доводами. Мы согласились уже, сказали они, оставить въ сторонѣ мысль о соединеніи съ Болгаріею, мы хотимъ прежде всего лишь одного,—это чтобы дали ручательство, что Турецкіе гарнизоны не вступятъ въ Балканы.—Гарнизоны и не вступятъ, перебилъ я ихъ, ибо Турція, даже и при всемъ ея желаніи послать свои войска въ Балканы, не въ состояніи этого сдѣлать; если вы хотите представить мемуаръ по этому вопросу, то оставьте это намѣреніе. Теперь между державами идутъ переговоры о томъ, какъ бы обойти этотъ пунктъ Берлинскаго трактата, не оскорбляя самолюбія Султана. Вы же своимъ мемуаромъ, противнымъ постановленіямъ трактата, только можете испортить все дѣло: Султанъ можетъ заупрямиться, въ опасеніи, чтобы не подумали, что онъ поддался вашимъ настояніямъ и дѣйствуетъ подъ вашимъ давленіемъ.

„Вообще, господа, вы не должны задѣвать Берлинскаго трактата; не забывайте, что актъ этотъ скрѣпленъ подписью и представителей Государя Императора: идя противъ трактата, вы идете противъ вашего же Освободителя.

Теперь, повторяю, гарнизоновъ въ Балканахъ не будетъ, а если, чего не дай Богъ и что невѣроятно, Султанъ пожелалъ бы черезъ годъ-другой воспользоваться своимъ на это правомъ, то не успѣете ли вы возстать тогда?

